

1904

ВЕЛИКИЙ ПИСАТЕЛЬ-ПАТРИОТ

1954

Поэзия
русской жизни

В то время когда я только начинал свою театральную жизнь, мы все, кто являлся, кто тайно, мечтали о новом театре.

И вот на сцену пришли пьесы Чехова. И сразу все искусство казенного Александринского театра оказалось недостаточным, еще не приспособленным к тому, чтобы передать истинную поэзию русской жизни, какой она вставала в пьесах Чехова.

В советское время Чехов стал любимейшим писателем и драматургом. Он занял свое место в жизни не только театров нашей страны, но и стран всего мира. Мне кажется, я не ошибусь, если скажу, что во всем нашем искусстве рядом с горьковскими традициями живут и чеховские. Я уже не говорю о художественном театре, формирование которого просто неотделимо от чеховской драматургии.

Для режиссера и актера чеховская драматургия является школой высочайшего мастерства. В чеховских образах рядом с эгегическими нотами грусти всегда живет страстное стремление к лучшей жизни. Чехов писал в своих пьесах о том, что он знал лучше всего — о русской интеллигенции. Он видел, как бессмысленно проходила жизнь многих талантливых людей, рожденных для того, чтобы приносить пользу окружающим, но так и не нашедших для себя места в жизни. Так ушла жизнь Ивана Войничко, трагичнейший свой недолгий талант на подсчитывание доходов от постного масла и гречневой крупы. Так уходила жизнь многих героев Чехова, испытывавших глубокую и мучительную неудовлетворенность. Но в том-то и состоит величие Чехова, что тоска о неустойчивой жизни всегда сочеталась в нем с верой в будущее, с убежденностью в том, что люди увянут «небо в алмазах».

Каждый раз, когда я сталкиваюсь в своем творчестве с чеховской драматургией, я понимаю, какую ответственность беру на себя. Жизнь чеховской пьесы никогда не оканчивается вместе со спектаклем. Сыграть спектакль так, чтобы за ним продолжалась жизнь, надо во что бы то ни стало. А для этого надо сочетать чеховские полутона, его тонкие чувства с кристальной ясностью выражения идеи, с отчетливой целеустремленностью.

Сейчас наш театр работает над осуществлением «Чайки». В 1898 году «Чайка» была, как известно, впервые поставлена на сцене Александринского театра. Печальная слава этого спектакля, так дорого обошедшего Чехову, вошла в историю русского искусства. Несмотря на то, что Нину играла Комиссаржевская — актриса, которую Чехов считал лучшей в России, которая всем своим творчеством была необычайно близка Чехову, — спектакль, поставленный в традициях Александринской сцены, потерпел провал. Но теперь, когда я вспоминаю этот спектакль, когда передо мной вновь и вновь оживает образ Нины Заречной, созданный Комиссаржевской, мне кажется, что она воплотила этот образ с истинно чеховской глубиной. Может быть, теперь мы бы захотели освободить этот образ от ее чрезмерно повышенной нервной, но главное в чеховской

«Чайке» Комиссаржевская угадала верно. И недаром современники называли ее чайкой русской сцены.

Что же волнует и тревожит нас в «Чайке» сегодня? Мне кажется, что эта пьеса говорит о пути таланта. Нина — талант, и Треплев — талант. Но Нина после долгих и трудных странствований обретает цель жизни. «Когда я думаю о своем призвании, я не боюсь жизни», — говорит Заречная в последнем акте пьесы. Разве не это главное? Чайка, подстреленная на берегу озера, остается сюжетом для небольшого рассказа. Чайка — Нина Заречная становится тем самым человеком, который продирается через дремучий лес русской жизни. Встретившись с ней, трудно, она устала, но у нее впереди есть огонек. Эта гениальная чеховская мысль об огоньке, освещающем путь человека, высказанная устами Астрова в «Дяде Ване», проходит и в «Чайке». Нина нашла свое призвание, и как бы ни была драматична ее судьба, у нее есть смысл и цель жизни. Треплев, который тоже талантлив, не верит в свое призвание, не верит в жизнь, а раз нет цели, значит остается одно — револьвер, приставленный к виску. Так по-разному складываются их пути. Треплев уходит из жизни, ничего не сделав, ничего не оставив после себя. Нина уходит на тяжелую, мучительную борьбу, но она знает, за что она борется, и ее жизнь не пройдет напрасно. В этом, мне кажется, заложен глубоко оптимистический и глубоко современный смысл «Чайки» для нас.

Когда я представляю себе последний акт спектакля, я вижу грозу, пронесшуюся над домом Аркадиной, я слышу тревожный плеск озера и угрожающие порывы ветра, распахивающие настежь двери. И над этим вихрем, над этой грозой я вижу образ Нины, устремленный в то будущее, о котором мечтал великий певец русской жизни Чехов. В уходе Нины мне слышатся отзвуки чеховского понимания ответственности таланта, чеховской веры в будущее родной страны, которая так богата талантливыми людьми.

Никогда не знаешь заранее, что осуществится из твоих замыслов, а что останется ощущением, не реализованным в конкретный художественный образ. Но я знаю, что ни для меня как режиссера, ни для актеров, которые репетируют «Чайку», эта работа над чеховской пьесой не может пройти даром. Я вижу, как чеховский текст помогает раскрыться новым качествам талантливой молодой актрисы Н. Мамаевой, только что пришедшей в труппу Академического театра драмы имени А. С. Пушкина. И, глядя на нее, глядя на то увлечение, на ту, я бы сказал, влюбленность, с которой репетируют «Чайку» все занятые в ней актеры, мне хочется верить, что они, советские актеры, реабилитируют на ленинградской сцене гениальную пьесу, судьба которой в нашем городе много лет назад началась так несправедливо. Я верю, что людям, живущим в то время, о котором мечтал Чехов, удастся раскрыть ту поэзию русской действительности, которой посвятил свое творчество Чехов.

Л. ВИБЬЕН,
народный артист СССР

А. П. ЧЕХОВ

ЗАВЕТНЫЕ МЫСЛИ ПИСАТЕЛЯ

«Какое наслаждение уважать человека!»

«В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли».

«Боже мой, как богата Россия хорошими людьми».

«Уходить... от борьбы, от житейского шума, уходить и прятаться у себя в усадьбе — это не жизнь, это эгоизм, лень, это своего рода монашество, но монашество без подвигов. Человеку нужно не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шар, вся природа, где на просторе он мог бы проявить все свойства и особенности своего свободного духа».

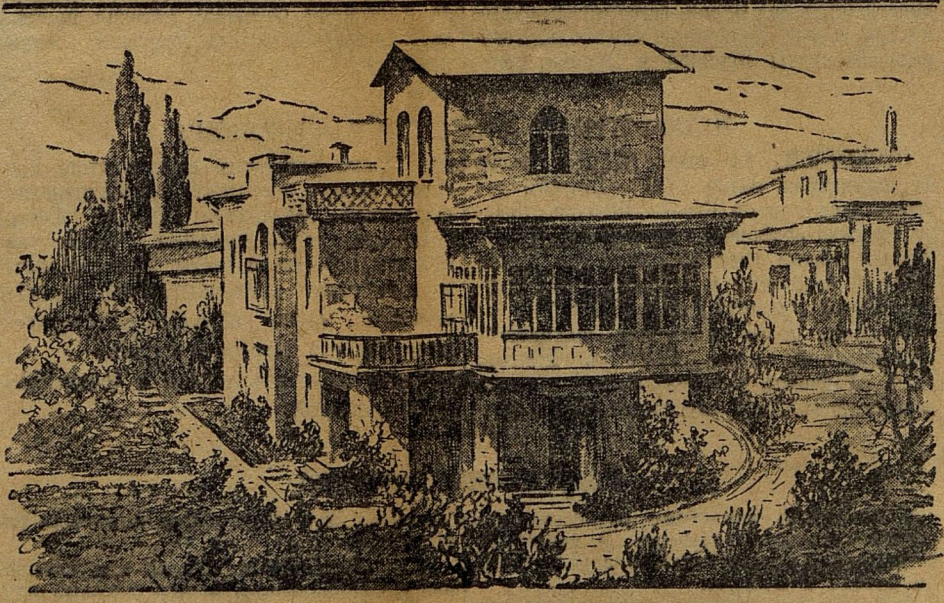
«Я люблю вот эту воду, деревья, небо, я чувствую природу, она возбуждает во мне страсть, непреодолимое желание писать. Но ведь я не пейзажист только, я ведь еще гражданин, я люблю родину, народ, я чувствую, что если я писатель, то я обязан говорить о народе, об его страданиях, об его будущем, говорить о науке, о правах человека...»

«...если я литератор, то мне нужно жить среди народа...»

«Краткость — сестра таланта».

«...праздная жизнь не может быть чистой».

«Здравствуй, новая жизнь!»

Дом-музей А. П. Чехова в Ялте.

Рис. В. Слыщенко

своей сделал бы все, что он может, как прекрасна была бы земля наша!

Чехов любил строить, разводить сады, чувствуя поэзию труда. Он любовно сажал каждое дерево в своем саду, ухаживал за ним, наблюдал, проводя в хлопотах дни за днями. И вот мы видим деревья, чеховские деревья, посаженные его рукой. Они разрослись пышно и буйно и еще много лет простоят, напоминая о том, что их посадил.

Тем, кто посещает чеховскую дачу, остается наследия. Это она сберегла для потомства не только все труды Чехова, но и его дом и все его вещи вплоть до ружья, из которого он не убил ни одного зверька. Вместе с Марией Павловной идем в кабинет. Мы его знали по снимкам: камин, рядом стул, столик с гнутыми ножками, книжный шкаф, у шкафа стоит, засунув руки в карманы, Чехов. Он задумчиво смотрит в окно. На переднем плане подсвечник в египетском стиле. Чехов писал при свечах: плохое зрение мешало ему

Чехов в странах
народной демократии

Пятидесятилетие со дня смерти выдающегося русского писателя Антона Павловича Чехова вместе с народами Советского Союза широко отмечают трудящиеся стран народной демократии.

Рассказы, повести, пьесы Чехова неоднократно издавались и переиздавались на китайском, польском, венгерском, румынском, чешском, словацком, болгарском, албанском языках. В период после 1945 года, когда сокрушительные удары, нанесенные Советской Армией силам международного фашизма, открыли перед трудящимися стран демократического лагеря путь к свободной и счастливой жизни, количество изданий произведений А. П. Чехова много увеличилось. Именно теперь смогли народы этих стран наиболее полно удовлетворить свой интерес к русской литературе, к творчеству А. П. Чехова. Более чем в пятидесяти различных изданиях увидели свет повести, рассказы и пьесы Чехова в Германской Демократической Республике. В ряде стран начали издаваться собрания сочинений писателя. В юбилейные даты в 1949 и 1950 гг. статьи памяти Чехова поместил ряд изданий в Болгарии, Чехословакии, Румынии.

С большим успехом идут в театрах стран народной демократии пьесы Чехова: «Дядя Ваня» и «Три сестры» в Национальном театре в Бухаресте; «Вишневый сад» и «Три сестры» в различных театрах Праги и Братиславы; «Медведь» и «Чайка» в театрах Германской Демократической Республики. Июнь 1954 года был объявлен Софийским народным театром «месяцем Чехова». С участием лучших артистов страны шли на сцене театра чеховские «Три сестры». В этом году болгарский театр отмечает и другой юбилей: в 1904 году на сцене театра «Слеза и смех» была впервые в Болгарии поставлена пьеса Чехова «Дядя Ваня».

Общественные деятели, писатели, литературоведы стран народной демократии неоднократно указывают на то глубокое и благотворное влияние, которое имели произведения Чехова на развитие литературы ряда стран и народов.

Известно, например, что в Болгарии, где переводы произведений Чехова появились уже в 90-е годы, они получили признание крупнейших болгарских писателей — Ивана Вазова, Алеко Константинова, Елины Пелина, впоследствии — Георгия Караславова и других.

«Своеобразная манера письма Чехова оказалась на редкость близкой вкусам нашего читателя», — заявил в 1944 году широко известный китайский литератор и общественный деятель Го Мо-жо, — ибо хотя Чехов стихов не писал, все же он — подлинный поэт, рассказы и пьесы его — поэзия. Влияние Чехова на новую литературу и искусство Китая поистине огромно...»

Первые переводы рассказов Чехова на китайский язык появились в 1907—1909 гг., однако широко распространение произведений Чехова в Китае относится к периоду двадцатых — тридцатых годов.

«Я принадлежу к поколению, которое в своей юности выросло на классическом русском романе. Мы не только читали, но и глубоко переживали этот роман, начиная с Гоголя, кончая Чеховым и молодым тогда

еще Горьким...», — свидетельствует выдающийся чешский общественный и культурный деятель, президент Чехословацкой академии наук Зденек Неядлы.

Исключительно большое значение для развития чешского театра конца XIX и начала XX века имела драматургия Чехова. В 1898 году в одном из пражских театров была поставлена «Чайка», в 1901 году — «Дядя Ваня» и «Лебединая песня».

Уже эти первые постановки пьес Чехова вызвали значительный интерес общественности. С другой стороны, в письмах А. П. Чехова содержится свидетельство того, как радостно приветствовал писатель постановку его пьес в Праге, с каким вниманием относился он к переписке с переводчиком своих произведений на чешский язык Борживоем Пруским — ко всему, что служило укреплению культурных связей русского и чешского народов.

Вдохновляемый примером своих русских друзей, используя опыт МХТ, коллектив пражского Национального театра начинает работать над постановкой пьесы Чехова «Три сестры». Ее первое представление, состоявшееся 19 января 1907 года, было, по словам Зденека Неядлы, одним из наиболее достопримечательных событий в истории чешского драматического театра.

Начиная с 90-х годов, творчество Чехова высоко оценивает прогрессивная чешская и словацкая критика. Автор одного из обзоров русской литературы, регулярно печатавшихся в чешских журналах, Йозеф Микш делает на материале рассказа Чехова «Мужики» интересные выводы о специфических чертах русской реалистической литературы. «Первым и последним словом русского реализма, — пишет критик, — является любовь к людям, соединенная с большой простотой и беспощадной правдивостью».

В тяжелые годы войны написал Зденек Неядлы статью «А. П. Чехов» — к сорокалетию со дня смерти писателя. Подчеркивая демократизм произведений Чехова и их своеобразный юмор, отмечая наличие среди чешских писателей последователей Чехова, Неядлы указывает на одного из них — Ярослава Гашека, автора книги «Похождения бравого солдата Швейка» и многих рассказов и фельетонов.

Большое количество материалов было опубликовано печатью народно-демократической Чехословакии в январе 1950 года — к 90-й годовщине со дня рождения Чехова. В стране издается полное собрание сочинений Чехова в десяти томах.

Широко отмечают пятидесятилетие со дня смерти А. П. Чехова трудящиеся стран народной демократии. На вечер памяти Чехова в Будапеште с докладом выступил венгерский писатель, лауреат премии Кошута Дьюла Га. Большой популярностью пользуются лекции о жизни и деятельности Чехова в Албании, Румынии, Польше. Склоняясь перед памятью великого русского писателя Антона Павловича Чехова, народы стран демократического лагеря демонстрируют свою волю к борьбе за мир во всем мире — необходимое условие расцвета культуры и искусства, служащих интересам трудящихся.

В. САВИЦКИЙ

В гостях у Чехова

Легкий ветерок мерно раскачивает высокие, иссиня-зеленые кипарисы, перебирает большими острыми пальцами низкорослых пальм, шевелит прозрачным кружевом туи или озорно налетит на нежные листья мимозы и пропадет в горах. Лишь темные щетки подстриженного самшита стоят недвижно и кажутся сделанными из жести. Далеко-далеко над водой всплывают облачка. Море на глазах меняет свою окраску. Только что оно было молочное-белое, но поднялось солнце выше, и море налилось бирюзовым соком, словно по водной глади провели широкими мазками акварели.

Ялта всегда хороша. Летом особенно. Ослепительно яркое утро, голубое небо, ласково-ворчливое море, легкие облачка, застывшие на горах, пестрая зелень виноградников перемежается с темными, словно вырезанными из картона, початками кипарисов. Чайки падают на воду, взмыва-

— Я не удивлюсь, если откроется калитка и войдет Лев Толстой или Горький...

Говорит он в шутку, но никто не смеется. Каждый, очевидно, так же, как и мы, рисует в своем воображении картину. Вот сию минуту на дорожке заскрипит галка под тяжелыми сапогами Льва Толстого, и он появится из-за кустов в белой войлочной шляпе грибом, с палкой, в длинной мятлой блузе, шевелящей мохнатыми бровями и, близоруко шуря острые, выдающиеся сквозь глаза, внезапно спросит:

— Вы меня любите, Антон Павлович? Обмануть такого человека нельзя. Ему надо говорить только правду, и сразу, не думая, не подбирая слов. И кажется, что Чехов кинется навстречу дорогому гостю и произнесет:

— Наконец-то вы приехали...
...Раскрываются двери домика. Посетители благоговейно вступают в прихожую, снимают головные уборы. Говорят тихо, Тем, кто посещает чеховскую дачу, есте-

населению деревни Верхней Аутки и немилым ученикам.

В кабинете писателя — старинный телефонный аппарат. Мария Павловна говорит, что Антон Павлович часто пользовался телефоном. Ему звонили с почты, приезжающих в Ялту писателей, художников, артистов. По этому самому аппарату Чехов как-то Лев Толстой сказал:

— Сегодня у меня такой хороший день, так радостно душе, что мне хочется, чтобы и вам было радостно. Особенно — вам! Вы очень хороший, очень!

Внимание привлекает большое деревянное блюдо с вырезанной надписью «Чех хата богата, тем и рада». В центре блюда — хата и ветряк. Блюдо тоже хранит интересную историю. Живя еще в Мелихове, Чехов оказывал крестьянам меллихневую помощь, был членом уездного совета, попечителем сельского училища. В Мелихове, Талее и Новоселках он на свои средства выстроил школы при самом ближайшем участии Марии Павловны. При освящении школы в Новоселках крестьяне и подносили Чехову хлеб-соль на деревянном блюде.

— Вот и побывали в гостях у Чехова, — говорит один из наших спутников. Да, впечатлений такое, словно мы действительно побывали у Чехова, поговорили с ним. Мы еще долго стоим перед каменным за-

...и в театре, формирование которого просто неотделимо от чеховской драматургии.

Для режиссера и актера чеховская драматургия является пиковой высочайшего мастерства. В чеховских образах рядом с эгегическими нотами грусти всегда живет страстное стремление к лучшей жизни. Чехов писал в своих пьесах о том, что он знал лучше всего — о русской интеллигенции. Он видел, как бессмысленно проходила жизнь многих талантливых людей, рожденных для того, чтобы приносить пользу окружающим, но так и не нашедших для себя места в жизни. Так ушла жизнь Павла Войничского, трагического своего недоуменный талант на подчинение доходов от постоного масла и гречневой крупы. Так ушла жизнь многих героев Чехова, испытывавших глубокую и мучительную неудовлетворенность. Но в том-то и состоит величие Чехова, что тоска о неустроенной жизни всегда сочеталась в нем с верой в будущее, с убежденностью в том, что люди увидят «небо в алмазах».

Каждый раз, когда я сталкиваюсь в своем творчестве с чеховской драматургией, я понимаю, какую ответственность беру на себя. Жизнь чеховской пьесы никогда не оканчивается вместе со спектаклем. Сыграть спектакль так, чтобы за ним продолжалась жизнь, надо во что бы то ни стало. А для этого надо сочетать чеховские полутона, его тонкие чувства с кристальной ясностью выражения идеи, с отчетливой целеустремленностью.

Сейчас наш театр работает над осуществлением «Чайки». В 1898 году «Чайка» была, как известно, впервые поставлена на сцене Александринского театра. Печальная судьба этого спектакля, так дорого обошедшегося Чехову, вошла в историю русского искусства. Несмотря на то, что Нину играла Комиссаржевская — актриса, которую Чехов считал лучшей в России, которая всем своим творчеством была необычайно близка Чехову, — спектакль, поставленный в традициях Александринской сцены, потерпел провал. Но теперь, когда я вспоминаю этот спектакль, когда передо мной вновь и вновь оживает образ Нины Заречной, созданный Комиссаржевской, мне кажется, что она воплотила этот образ с истинно чеховской глубиной. Может быть, теперь мы бы захотели освободить этот образ от ее чрезмерно повышенной нервности, но главное в чеховской

об огоньке, свещенной путях человека, высказанная устами Астрова в «Дяде Ване», проходит и в «Чайке». Нина нашла свое призвание, и как бы ни была драматична ее судьба, у нее есть смысл и цель жизни. Треплев, который тоже талантлив, не верит в свое призвание, не верит в жизнь, а раз нет цели, значит остается одно — револьвер, приставленный к виску. Так по-разному складываются их пути. Треплев уходит из жизни, ничего не сделав, ничего не оставив после себя. Нина уходит на тяжелую, мучительную борьбу, но она знает, за что она борется, и ее жизнь не пройдет напрасно. В этом, мне кажется, заложен глубоко оптимистический и глубоко современный смысл «Чайки» для нас.

Когда я представляю себе последний акт спектакля, я вижу грозу, пронесшуюся над домом Аркадиной, я слышу тревожный плеск озера и угрожающие порывы ветра, распахивающие настежь двери. И над этим вихрем, над этой грозой я вижу образ Нины, устремленный в то будущее, о котором мечтал великий певец русской жизни Чехов. В уходе Нины мне слышатся отзвуки чеховского понимания ответственности таланта, чеховской веры в будущее родной страны, которая так богата талантливыми людьми.

Никогда не знаешь заранее, что осуществится из твоих замыслов, а что останется ощущением, не реализованным в конкретный художественный образ. Но я знаю, что ни для меня как режиссера, ни для актеров, которые репетируют «Чайку», эта работа над чеховской пьесой не может пройти даром. Я вижу, как чеховский текст помогает раскрыться новым качеством талантливой молодой актрисы Н. Мамаевой, только что пришедшей в труппу Академического театра драмы имени А. С. Пушкина. И, глядя на нее, глядя на то увлечение, на ту, я бы сказал, влюбленность, с которой репетируют «Чайку» все занятые в ней актеры, мне хочется верить, что они, советские актеры, реабилитируют на ленинградской сцене гениальную пьесу, судьба которой в нашем городе много лет назад началась так несправедливо. Я верю, что людям, живущим в то время, о котором мечтал Чехов, удастся раскрыть ту поэзию русской действительности, которой посвятил свое творчество Чехов.

Л. ВИБЬЕН,
народный артист СССР

А. П. ЧЕХОВ

ЗАВЕТНЫЕ МЫСЛИ ПИСАТЕЛЯ

«Какое наслаждение уважать человека!»

«В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли.»

«Боже мой, как богата Россия хорошими людьми.»

«Уходить... от борьбы, от житейского шума, уходить и прятаться у себя в усадьбе — это не жизнь, это эгоизм, лень, это своего рода монашество, но монашество без подвига. Человеку нужно не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шар, вся природа, где на просторе он мог бы проявить все свойства и особенности своего свободного духа.»

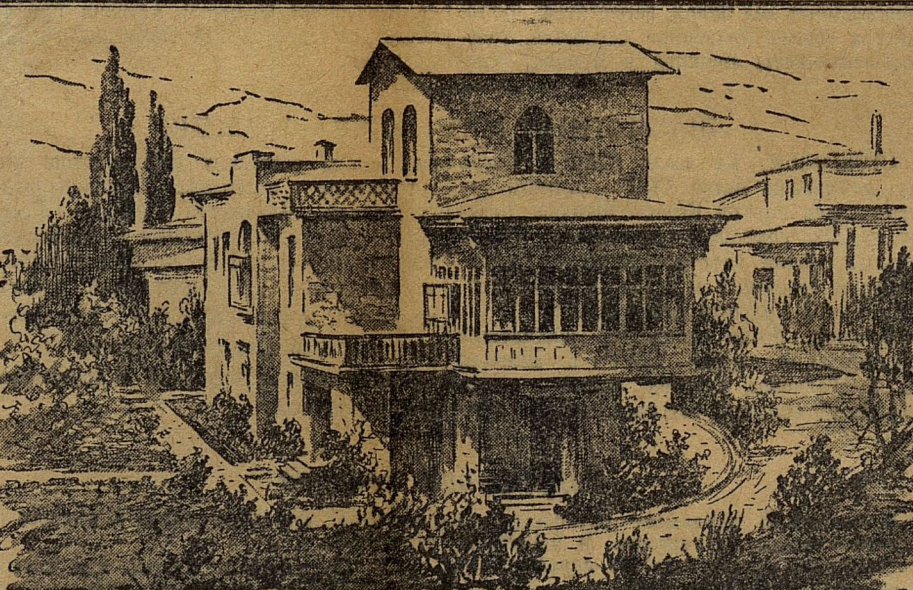
«Я люблю вот эту воду, деревья, небо, я чувствую природу, она возбуждает во мне страсть, непреодолимое желание писать. Но ведь я не пейзажист только, я ведь еще гражданин, я люблю родину, народ, я чувствую, что если я писатель, то я обязан говорить о народе, об его страданиях, об его будущем, говорить о науке, о правах человека...»

«...если я литератор, то мне нужно жить среди народа...»

«Краткость — сестра таланта.»

«...праздная жизнь не может быть чистой.»

«Здравствуй, новая жизнь!»

Дом-музей А. П. Чехова в Ялте.

Рис. В. Слыщенко

своей сделал бы все, что он может, как прекрасна была бы земля наша!

Чехов любил строить, разводить сады, чувствуя поэзию труда. Он любовно сажал каждое дерево в своем саду, ухаживал за ним, наблюдал, проводя в хлопотах дни за днями. И вот мы видим деревья, чеховские деревья, посаженные его рукой. Они разрослись пышно и буйно и еще много лет простоят, напоминая о том, кто их посадил.

Тем, кто посещает чеховскую дачу, естественно, хочется повидеть Марию Павловну Чехову — сестру великого писателя, основательницу этого Дома-музея и его бессменного директора. В мезонине, куда ведет деревянная лестница, находится одна комната, в которой с 1899 года проживает Мария Павловна. Та самая, которую братья Чеховы просто звали Ма. Но редко выходит Мария Павловна к посетителям. Небольшая как будто лестница, да не легко спускаться и подниматься по ее ступеням, когда за плечами почти девять с половиной десятков лет.

Нам посчастливилось не только познакомиться с Марией Павловной, но и побеседовать с ней. Вот идет она медленно, вглядываясь в лица и как бы отыскивая знакомых. У нее маленькие сухие руки с тонкими пальцами. Вероятно, такие руки были и у брата, судя по описанию Горького. И голос — глубокий, мягкий... И смех ее, почти беззвучный — как у брата.

И глаза чеховские — серые, грустные, с затененной тонкой умышкой. Собачка, узнав ее, вертится у ног, неистово помашивая хвостом. Мария Павловна говорит: — Мы ее называли Каштанкой в память о рассказе брата... Она оживает и продолжает: — Моего брата очень любят. И я счастлива, что посвятила ему всю свою жизнь.

Эта маленькая женщина — сестра и друг великого писателя — при жизни Анто́на Павловича всецело отдала всю себя служению и помощи его таланту. Она переписывала рукописи, корректировала их, советовалась с братом, принимала самое деятельное участие в напечатании его рассказов. А после его смерти она посвятила все свои годы и дни сохранению памяти брата, у ковенению его художественного

наследия. Это она сберегла для потомства не только все труды Чехова, но и его дом и все его вещи вплоть до ружья, из которого он не убил ни одного зверька.

Вместе с Марией Павловной идем в кабинет. Мы его знали по снимкам: камин, рядом стул, столик с гнутыми ножками, книжный шкаф, у шкафа стоит, заснувший ружье в карманах, Чехов. Он задумчиво смотрит в окно. На переднем плане подсвечник в египетском стиле. Чехов писал при свечах: плохое зрение мешало ему пользоваться светом лампы-молнии.

Тот же камин, те же подсвечники, шкаф, столик, стул и прочие предметы. Нет только Чехова. Но он присутствует повсюду. И Мария Павловна говорит о нем, как о живом.

Мы останавливаемся у камин. На уровне глаз в камин вделана потемневшая от времени картина. Мария Павловна задерживается и тихо рассказывает: — Это нарисовал Левитан. Антон Павлович очень скучал по северной природе. Он называл Ялту «теплой Сибирью». Как-то в декабре 1899 года у нас гостили Исаак Ильич Левитан, наш старый друг. Мы втроем были здесь, в этой комнате. Левитан сидел в кресле, Антон Павлович по привычке ходил взад-вперед и говорил, как ему тоскливо в Ялте, как он скучает по русской природе. Левитан обратился ко мне: «Маша, принеси-ка картон» Я принесла. Он тут же вырезал по размеру и в полчаса написал этот пейзаж. Видите — лунная ночь во время сенокоса.

Скупым левитановским пейзажем постоянно любовался Чехов, работая в кабинете. Вот и письменный стол писателя. За этим столом Чехов написал пьесы «Три сестры», «Вишневый сад», повесть «В овраге», рассказы «Архирей», «Дамы с собачкой», «На святках», «Невеста». На столе среди чернильницы, подсвечников, словослов из черного дерева и из кости, пепельницы, весов для взвешивания корреспонденции, китайского божка из бронзы, трех ручек с карандашом в хрустальном бокале мы видим медицинскую трубку, плесimeter и молоточек. Эти инструменты Антон Павлович постоянно имел при себе, оказывая бесплатную медицинскую помощь

находясь в своем интересе к русской литературе, к творчеству А. П. Чехова. Более чем в пятидесяти различных изданиях увидели свет повести, рассказы и пьесы Чехова в Германской Демократической Республике. В ряде стран начали издаваться собрания сочинений писателя. К юбилейным датам в 1949 и 1950 гг. статьи памяти Чехова поместил ряд изданий в Болгарии, Чехословакии, Румынии.

С большим успехом идут в театрах стран народной демократии пьесы Чехова: «Дядя Ваня» и «Три сестры» в Национальном театре в Бухаресте; «Вишневый сад» и «Три сестры» в различных театрах Праги и Братиславы; «Медведь» и «Чайка» в театрах Германской Демократической Республики. Июнь 1954 года был объявлен Софийским народным театром «месяцем Чехова». С участием лучших артистов страны шли на сцене театра чеховские «Три сестры». В этом году болгарский театр отмечает и другой юбилей: в 1904 году на сцене театра «Слеза и смех» была впервые в Болгарии поставлена пьеса Чехова «Дядя Ваня».

Общественные деятели, писатели, литературоведы стран народной демократии неоднократно указывают на то глубокое и благотворное влияние, которое имели произведения Чехова на развитие литературы ряда стран и народов.

Известно, например, что в Болгарии, где переводы произведений Чехова появились уже в 90-е годы, они получили признание крупнейших болгарских писателей — Ивана Вазова, Алеко Константинова, Елины-Пелина, впоследствии — Георгия Караславова и других.

«Своеобразная манера письма Чехова оказалась на редкость близкой вкусам нашего читателя. — заявил в 1944 году широко известный китайский литератор и общественный деятель Го Мо-жо, — ибо хотя Чехов стихов не писал, все же он — подлинный поэт, рассказы и пьесы его — поэзия. Влияние Чехова на новую литературу и искусство Китая поистине огромно...»

Первые переводы рассказов Чехова на китайский язык появились в 1907—1909 гг., однако широкое распространение произведений Чехова в Китае относится к периоду двадцатых — тридцатых годов.

«Я принадлежу к поколению, которое в своей юности выросло на классическом русском романе. Мы не только читали, но и глубоко переживали этот роман, начиная с Гоголя, кончая Чеховым и молодым тогда

наше поколение своих русских друзей, используя опыт МХТ, коллектив пражского Национального театра начинает работать над постановкой пьесы Чехова «Три сестры». Ее первое представление, состоявшееся 19 января 1907 года, было, по словам Зденека Неядлы, одним из наиболее достопримечательных событий в истории чешского драматического театра.

Начиная с 90-х годов, творчество Чехова высоко оценивает прогрессивная чешская и словацкая критика. Автор одного из обзоров русской литературы, регулярно печатавшихся в чешских журналах, Йозеф Микш делает на материале рассказа Чехова «Мужики» интересные выводы о специфических чертах русской реалистической литературы. «Первым и последним словом русского реализма, — пишет критик, — является любовь к людям, соединенная с большой простотой и беспощадной правдивостью».

В тяжелые годы войны написал Зденек Неядлы статью «А. П. Чехов» — к сорокалетию со дня смерти писателя. Подчеркивая демократизм произведений Чехова и их своеобразный юмор, отмечая наличие среди чешских писателей последователей Чехова, Неядлы указывает на одного из них — Йрмила Гашека, автора книги «Похождения бравого солдата Швейка» и многих рассказов и фельетонов.

Большое количество материалов было опубликовано печатью народной-демократической Чехословакии в январе 1950 года — к 90-й годовщине со дня рождения Чехова. В стране издается полное собрание сочинений Чехова в десяти томах.

Широко отмечают пятидесятилетие со дня смерти А. П. Чехова трудящиеся стран народной демократии. На вестере памяти Чехова в Будапеште с докладом выступил венгерский писатель, лауреат премии Кошута Дьюла Га. Большой популярностью пользуются лекции о жизни и деятельности Чехова в Албании, Румынии, Польше. Склоняясь перед памятью великого русского писателя Анто́на Павловича Чехова, народы стран демократического лагеря демонстрируют свою волю к борьбе за мир во всем мире — необходимое условие расцвета культуры и искусства, служащих интересам трудящихся.

В. САВИЦКИЙ

В гостях у Чехова

Легкий ветерок мерно раскачивает высокие, иссиня-зеленые кипарисы, перебирает большими острыми пальцами низкорослых пальм, шепелит прозрачным кружевом туи или озорно налетит на нежные листья мимозы и пропадет в горах. Лишь темные шетки подстриженного самшита стоят недвижно и кажутся сделанными из жести. Далеко-далеко над водой всплывают облачка. Море на глазах меняет свою окраску. Только что оно было молочного-белое, но поднялось солнце выше, и море налилось бирюзовым соком, словно по водной глади провели широкими мазками акварели.

Ялта всегда хороша. Летом особенно. Ослепительно яркое утро, голубое небо, ласково-ворливое море, легкие облачка, вострявшие на горах, пестрая зелень виноградников перемежается с темными, словно вырезанными из картона, початками кипарисов. Чайки падают на воду, взмывают, снова падают. А море спокойно и лениво плещет о берег.

Много замечательных уголков в Ялте. Но, пожалуй, самым излюбленным и священным является место, куда устремляются сотни, тысячи почитателей Чехова из самых различных уголков земного шара. Садясь в автобус или бера такси, люди коротко бросают: — К Чехову!

Давайте отправимся вместе с экскурсантами. Вот остались позади узкие каменистые улицы. Автобус разворачивается на маленькой площади и останавливается. Прямо перед нами — кущи деревьев, а за ними белесет угол дома. Что-то подсказывает: это и есть знаменитая чеховская «белая дача», построенная по проекту Анто́на Павловича и его сестры Марии Павловны.

Раннее утро, а во дворе много посетителей. Одним хочется запечатлеться на «горьковской» скамейке. Веселая стайка десятиклассников. Их товарищ, приспособившись с фотоаппаратом, просит девушек не шевелиться, не разговаривать. Они сидят на той самой скамейке, где отдыхал с хозяином дачи Горький. Группа солидных туристов осматривает дачу со всех сторон.

Скоро откроются двери домика. Наступает торжественная тишина. И вдруг кажется: без времени изменил свой кол. Все нелюбомерно перегибается — не чудится ли им? Из-за флигеля появляется на первый взгляд обыкновенная собачка.

— Каштанка! — восклицает паренек, только что сфотографировавший девушек. Собачка доверчиво виляет хвостом. Теперь уже все наперебой зовут ее, глядят коричневою спину. Кто-то произносит:

— Я не удивлюсь, если откроется калитка и выйдет Лев Толстой или Горький...

Говорит он в шутку, но никто не смеется. Каждый, очевидно, так же, как и мы, рисует в своем воображении картину. Вот сию минуту на дорожке заскритит галка под тяжелыми сапогами Льва Толстого, и он появится из-за кустов в белой войлочной шляпе грибом, с палкой, в длинной мятлой блузе, шепельнет мохнатыми бровями и, близорукую шуря острые, видящие насковоз глаза, внезапно спросит: — Вы меня любите, Антон Павлович?

Обмануть такого человека нельзя. Ему надо говорить только правду, и сразу, не думая, не подбирая слов. И кажется, что Чехов кинется навстречу дорогому гостю и произнесет:

— Наконец-то вы приехали...

...Раскрываются двери домика. Посетители благоговейно вступают в прихожую, снимают головные уборы. Говорят тихо, словно боясь потревожить кого-то. И опять кажется, что там, за стеной работает Антон Павлович — пишет, пишет, пишет.

Здесь все так и осталось, как было при жизни Чехова. Столовая. Обеденный стол, покрытый скатертью, на нем фарфоровая ваза для цветов и майоликовая пепельница. Дюжина венских стульев вокруг. Над столом — висят керосиновая лампа с абжуром. Буфет, сделанный еще в Мелихове по рисунку Марии Павловны Чеховой. Пианино. Крышка открыта, и можно прочитать фирму: «Смидт и Вегенер». На этом пианино играли Рахманинов, Ребиков, Спендиаров. В этой комнате звучал бас Шаляпина. Антон Павлович сам на каком музыкальном инструменте не играл, но очень любил музыку.

И комнатный термометр, и турецкий диван, и кресла, и ломберный столик — все создает впечатление, будто хозяин с гостями вышел погулять по садику и скоро вернется. Тогда зажгут лампу, Рахманинов сядет за пианино, Короленко пристроится на диване, а Станиславский, приехавший в Крым с Художественным театром, весело пробасит:

— Мы решили так: Антон Павлович не может приехать к нам, так как он болен, поэтому мы едем к нему, так как мы здоровы. Если Магомет не идет к горе, гора идет к Магомету...

Нас ведут дальше. Балкон. Отсюда Анто́н Павлович любовался видом на Ялту и море. Сейчас моря не видно, его закрыл плотный занавес из деревьев. Но невольно думаешь о тех днях, когда Чехов сидел с этим простым деревянным столиком с Максимом Горьким. Может, в те минуты он и говорил Горькому:

— Если каждый человек на куске земли

населению деревни Верхней Аутки и немущим учащимся.

В кабинете писателя — старинный телефонный аппарат. Мария Павловна говорит, что Антон Павлович часто пользовался телефоном. Ему звонили с почты, приезжающие в Ялту писатели, художники, артисты. По этому самому аппарату Чехову как-то Лев Толстой сказал:

— Сегодня у меня такой хороший день, так радостно душе, что мне хочется, чтобы и вам было радостно. Особенно — вам! Вы очень хороший, очень!

Вниманию привлекает большое деревянное блюдо с вырезанной надписью «Чем хата богата, тем и рада». В центре блюда — хата и ветряк. Блюдо тоже хранит интересную историю. Живя еще в Мелихове, Чехов оказывал крестьянам медицинскую помощь, был членом уездного совета, попечителем сельского училища. В Мелихове, Талее и Новоселках он на свои средства выстроил школы при самом ближайшем участии Марии Павловны. При освящении школы в Новоселках крестьяне и поднесли Чехову хлеб-соль на деревянном блюде.

Кабинет сменяется спальней, последняя — музейно-биографической комнатой. И всюду большие и малые вещи и вещицы, которыми пользовался, которые любил Чехов. Наконец мы видим портрет писателя в саду ялтинского дома с собачками — Каштанкой и Тузиком. Каштанка толь-в-точь такая, какая вертится у наших ног сейчас.

Мария Павловна, оказываясь, прекрасно писала маслом. Мы видим портреты матери Чехова, его двоюродной сестры, мелиховский дом зимой, пруд — все это работа Марии Павловны.

Неподалеку от балкона висит странный кипарис. Этот кипарис посадила Мария Павловна в год смерти Анто́на Павловича как память о нем. И кипарис разросся, прижился и стоит перед домом живым памятником любимому писателю.

Один из нас подает Марии Павловне книгу рассказов Чехова. Она недоуменно смотрит: зачем? Потом догадывается, садится к столу и неспеша пишет: «На память о посещении Дома-музея моего покойного брата Анто́на Павловича Чехова».

И снова поразительное сходство почерков. Так именно расписывался Чехов, его факсимиле можно видеть на обложке собранного его сочинений.

Давно пора прощаться. Марии Павловне не легко беседовать, она очень устала. Но разве уйдешь так, сразу, отсюда! Снова хочется пересмотреть все вещи, перечитать все надписи. Вот копия портрета А. П. Чехова, находящегося в Третьяковской галерее. Под портретом читается произведение Чехова: «Я люблю родину, народ, я чувствую, что если я писатель,

то обязан говорить о народе, о его страданиях, о его будущем».

Мария Павловна стоит на пороге дома. На плечах у нее накинута меховая рогонда; поблескивают стекла больших, в роговой оправе очков. Губы плотно сжаты, и сейчас она особенно похожа на брата. Как бы спохватившись, она спрашивает фамилии беседовавших с нею. На украинской фамилии останавливается:

— Знакомая фамилия. У нас были с такой фамилией, — и добавляет. — Мы ведь из Таганрога...

Да кто же во всем мире не знает того, что Чехов родился в Таганроге! Но Мария Павловна, словно сообщив эту новость впервые, подтверждает:

— Да, из Таганрога. Давно я там не была, хочется посмотреть...

Мы покидаем приветливый чеховский дом. До калитки нас провожает Каштанка.

— Вот и побывали в гостях у Чехова, — говорит один из наших спутников. Да, впечатлений такое, словно мы действительно побывали у Чехова, поговорили с ним.

Мы еще долго стоим перед каменным забором, смотрим на «белую дачу». Здесь жил и работал великий юморист и сатирик, бескорыстный труженик, страстный борец против всех темных сил пришибщины, барства, паразитизма, косности, мешанства и пошлости. Знал ли он, что его будут так любить! Может, и знал. Конечно, знал. Ведь читал же он еще в 1900 году статью Горького, где было сказано: «...когда умрет Чехов — умрет один из лучших друзей России, друг умный, беспристрастный, правдивый, — друг, любящий ее, сострадающий ей во всем, и Россия вся дрогнет от горя и долго не забудет его».

Мы не забыли Чехова, мы помним и любим его, замечательного писателя, простого русского человека.

— До свидания, Антон Павлович! — мы прощаемся и, полные незабываемых ощущений, отправляемся по тем самым улицам, где много раз ходил Чехов, вниз, к набережной.

Долго еще виднеется кипарис, посаженный Марией Павловной перед балконом. Он стоял недвижно, словно в почетном карауле. Открылся вид на море. По голубую полую бежали белые гребешки, и высоко над каменным берегом взлетали сверкающие на солнце брызги, превращаясь в серебристую пыль. Вдали, где море сливалось с небом, над водой что-то росло, ширилось, словно возникало сказочное белокаменное здание. То шла из Одессы красавица «Россия» — флагман пассажирского флота Черноморья. Шла в Ялту. И мы были уверены, что многие пассажиры в этот день торопились сюда в гости к любимому писателю Анто́ну Павловичу Чехову.

А. СТОРОЖЕНКО

г. Ялта